

Наша жизнь въ послѣднихъ произведеніяхъ А. П. Чехова.

(Литературныя замѣтки).

Часто въ подтвержденіе художественной чуткости какого-нибудь автора указываютъ, что онъ въ своихъ произведеніяхъ сѣчется и плачетъ вѣсть съ дѣйствующими лицами. Про А. П. Чехова можно сказать, что онъ не сѣчется и не плачетъ, а просто отсутствуетъ, и дѣйствующія лица говорятъ и дѣйствуютъ словно помимо его воли, какъ бы они говорили и дѣйствовали изъ самой жизни. Сплошь и рядомъ въ произведеніяхъ многихъ другихъ авторовъ решанки и сцены такъ непосредственно жизненны, но въ цѣломъ вы видите болѣе или менѣе хитросплетенныя интриги, построеныя искусственно изъ выдохъ проведенныхъ тенденцій, эффектовъ, заинтересованности и проч. Ничего подобнаго нѣтъ у А. Чехова. Сюжеты большинства его произведеній отличаются простотой констативъ классической. Въ нихъ, какъ будто, нѣтъ никакого дѣйствія. Сцены за сценой таятся, все такія будничныя, сѣренькія и вдругъ совершенно незамѣтно открываются въ цѣломъ потрясающая драма. Можно помыслить сказать, что во данное произведеніе описывается авторомъ, а сама жизнь течетъ сама собой, незамѣтно струей, какъ будто авторъ всего только и сдѣлалъ, что сфотографировалъ и предоставилъ намъ смотрѣть, что дѣлается въ чужой квартирѣ. Разказы А. Чехова словно не оканчиваются, а прерываются и авторъ точно хочетъ внушить намъ, что въ жизни нѣтъ ни начала, ни конца и не найдете вы въ ней ни одного момента, послѣ котораго можно было бы поставить точку, такъ какъ завтра, послѣ, идеть пустота. Дочитавъ до конца какую-нибудь его вещь, часто поневоле оглядываешься кругомъ, какъ бы ама продолженія въ окружающей насъ обстановкѣ, — до чего произведенія А. Чехова — сама наша жизнь.

Но что же это за жизнь такая, какова она? Какъ бы въ отвѣтъ на это А. Чеховъ изображаетъ цѣлую серію явленій, удивительныхъ во своему разнообразію: ведетъ онъ и въ деревню, и въ губернскій городъ, и въ столицу. Въ деревнѣ, въ цѣломъ родѣ «кушановъ», просто, безъ всякихъ подчеркиваній, безъ скупости и капризныхъ расцѣпокъ передъ нами ставятся гнетъ тѣноты и борьбы изъ-за кусочка хлѣба, изъ плутокъ, въ разсказѣ «Моя жизнь», изъ фанъ чужого самодовольства, пошлаго, пошлаго лаянья и скуки, скуки всевозможной, до истиннаго поминанья, безцельности творенія, также просто и тою, какъ будто научая, даять поразительную картину

сѣренька будней губернскаго города, и, наконецъ, въ третью — въ отелѣ — излагаются черты личности «случайнаго» жителя чужой, сирочейски знаменитаго, гуманнаго, кристальной души и сердца, сочувствующаго, что онъ подошелъ къ гробу, на устланных на іоту сдѣлать жизнь окружающихъ разумный и человѣчный. Весь трагизмъ положенія можно было бы, конечно, отнести на счетъ «среды», которая заѣдаетъ людей, отрицаетъ индивидуальность, если бы сама-то «среда» была нѣчто, стоящее надъ людьми, а не составляла совокупность тѣхъ же заѣдающихъ индивидовъ. Вотъ эта безцельность, безсодержательность среды и составляющихъ ее людей (что одно и то же), это отсутствіе выходящаго смысла, который составлялъ бы произвольность личности, нелиней интереса и чистое утробное существованіе и является обычной темой произведеній А. П. Чехова, разнообразныхъ, въ то же время, какъ сама жизнь.

Три послѣднихъ произведенія А. Чехова «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви» — три различныхъ момента той же сѣрой, убогой и безцельной жизни. Всѣ они связаны между собою чисто логическимъ единствомъ и потому даютъ нѣкоторое право разсматривать ихъ всѣхъ сразу.

Для пріятеля, разсуждающаго на охотѣ другъ съ другомъ и съ подлинувшими пошлякомъ о разныхъ высшихъ вопросахъ жизни, иллюстрируютъ свои разсужденія разсказами, изъ которыхъ первый касается «человѣка въ футлярѣ». Это былъ учитель греческаго языка Бѣлковъ. Все въ этомъ человѣкѣ, начиная съ греческаго языка и кончая перочинными поминками въ чехольчикѣ, было направлено къ тому, чтобы спрятаться отъ жизни въ футлярѣ. Даже въ очень хорошую погоду онъ выходилъ въ казашку и съ зонтикомъ и непременно въ теплотѣ пальто на вѣтѣ; и зонтикъ былъ у него въ чехлѣ и часы въ чехлѣ въ сѣрой сумкѣ, а когда онъ вынималъ перочинный ножъ, чтобы отчистить парочку, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ вышитый воротничокъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на скамеечку, то приказывалъ поднять перхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное непреодолимое стремленіе спрятать себя отъ жизни, спрятать себя въ футляръ, который закрывалъ бы его отъ всякаго вліянія. Можно подумать, что это былъ человѣкъ съ самымъ сильнымъ индивидуальнымъ и пожеланіемъ лезть свое я въ уюту «вышитыхъ воротничковъ». Ничего подобнаго — просто действительность раздвинула его, выгнала и,

с. 1.

чтобы оправдать свою робость, свое отращивание из настоящего, он всегда хвалялся прошлым и то, чего никогда не было, так что в древние языки, которые он преподавал, была для него твист же футлярный, куда он прятался от действительности.

Каким же, что тут горевать? Придется человек — и пусть его, ему не хуже. Но это, однако, не совсем так: оказывается, и мысль свою Бляков так же старался спрятать в футляр. Для него были немцы только циркуляр и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь; в разрыве же и позволения скрывался для него всегда элемент сомнительный, что то недосказанное и смутное. Когда в город разрывали драматический кружок, читали или чайную, он поначивал головой и говорил тихо: — «оно конечно, так-то так», все это прекрасно, да как бы чего не вышло.

Вот это «как бы чего не вышло» и проходит красной нитью через всю жизнь и составляет главный ступень вселенского поступка человека из футляра. Если кто из товарищей оказывал на колеблеть или доходя слухи о какой-нибудь провинции, гонимости, или видял классную даму ходить по черной под рыву с офицером, он очень полагался и все горюхил, как бы чего не вышло, а на педагогических съездах он просто угнетал своим осторожностью и своим своим футлярным соображением насчет того, что вот же в мужских и женских гимназиях молодые ведут себя дурно, очень шуметь в класс — ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло и что, если вь второго класса некалчить Петрова, а вь четвертого Ксенона, то было бы очень хорошо. И что же? — своим поведением, вытостью, своим тихим очками на блондине маленького лица, канонический доркас, он давал себя и ему уступали, обивали и Петрову и Ксенону балла по введению, сажали их вь арест, а вь концы-концы некалчала. Вь приближение 15 лет вьозвратил этот, ходивший всегда из каменки и с вонючкой, держал вь руках не только всю гимназию, но и весь город: днем не устраивал по субботам домашние спектакли — бляков, как бы он не устал; душевное стеснялось при нем кунать спортивно и играть вь карты. И вот мало-помалу, под влиянием Блякова, стали боятся всего: громко говорить, посылать письма, не казнить, читать книги, поносить Блякова, учить грамоте.

Каким же бы, что же сама замечательная вь этом ученик и учитель Бляков? Вь чем его власть над нами? Дело очень простое: есть действительно истинный чело-

век — ярко и вынуло вырывает дух своего времени, главное настроение цылого общества. Превоспунат фраза: «ах, как бы чего не вышло» — это девиз вселенского поступка и вселенской личной и общественной жизни. Мы сами — та же Бляков. И вот как доказательство: Бляков умер (горюхил таких людей составляет большое удовольствие, записать Чехов), и когда не стало этого человека, этого ходячего футляра, то сначала было недоумение свободно, но вскоре все пошло по старому. Попрямому боялись жить полной человеческой жизнью, сьяться и плакать, любить и ненавидеть. Девиз «ах, как бы чего не вышло» принадлежал не одному Блякову, а вселенскому, и потому суть не вь Блякова, а вь нас самих.

Что касается художественной цымы изображения А. Чеховым типа, то это одно из тех неунирющих положений цылой общественной среды, которая больше похожа на продукт какого-то художественного отщепенства, чем на обыкновенный результат творческой работы писателя.

Второй рассказ называется «Кривошеин». Эта спринная тема не даром поставлена вь заглавии рассказа, — она представляет собой центральную фигуру, вокруг которой группируются все черты человека, кривого, сильного людей, но всю эту силу убивающего вь достижении личного счастья, некакого, ничтожного, вь жертву которому приносятся даже самая жизнь близких.

Один из прителов описывает жизнь своего брата, бедного чиновника, который, сядя вь казенной палате, мечтает кунить клоуну земли и завести конюшню. Его идеалом было вьт свой собственный шп, от которых вьт такой искусный задачь по поспе шпору, вьт шп на зеленой травке, спать на солнышке, сидеть по цылым часам за воротом и смотреть вь поле и вь грь. Вь его голове рисовались дорожки вь саду, цыты, фрукты, сирень, караси вь пруду и при этом непрерывно прыжокник вь саду. Любимый чтенств, его духовной пищи были объявления вь газетах о продаже всяких цытний, а смотря по этим объявлениям, вь картин вь его воображении цылились, но непрерывно вь каждой присутствовали прыжокник, «Сидишь на балконе, — говорил он, — пьешь чай, а на пруду твои утки плавают, плавать так хорошо.... и прыжокник растет». Мало-помалу хроническое подбодение, подбодвание, отщепенство вь банк, цылок свое дело вь деньги спонсировалось. Чтобы еще скорее перейти вь свою цылу, чиновник пошел на цыды с капиталом, деньги подал вь банк, одну

ушоралъ и, наконецъ, пушилъ палочное шитье и, какъ на зло, безъ кривовишка. Однако, несколько не смущаясь, онъ вымислялъ себѣ 20 кустовъ кривовишка и, посидевъ ихъ, ощутилъ совершенную полноту счастья. Не должно постоу понимать страннымъ, что и самъ онъ уподобился искорѣ сноту и кругомъ него все освѣтилось. Прѣзжаетъ къ нему братъ и видитъ, что на встрѣчу идетъ собака, рыжая, толстая, похожая на синью. Хочетъ онъ звать, да зѣвъ. Вышла изъ кухни курка, голодная, толстая, тоже похожая на синью. Вошелъ онъ къ брату, тотъ сидитъ въ постели, колѣна прикрыты одеяломъ; по-старѣлъ, располнѣлъ, обрюзгъ, шею, носъ и губы танутся впередъ, — того и гляди хрюкнуть въ одеяло. Но теперь это уже былъ не тотъ робкій человѣкъ, кванъ его знали прежде; теперь это оранулъ, говорящій министерскимъ тономъ одинъ только истинный въ родѣ того, что «образование необходимо», но для народа оно «предпрежение», пла-стѣлыми наказаниями вообще предны, но въ некоторыхъ случаяхъ они полезны и незаменимы». Но концы таинности не въ этомъ господствѣ, а въ самомъ разсказчикѣ, который, глядя, съ какими увлеченіями и чуть не со слезами его братъ въ подлинный первый сборъ кривовишка, вдругъ понялъ, какая это страшная, подавляющая сила счастливые люди. Видно только какою стороною; видно какъ ходитъ на рынокъ, ѣдять, пить, говорить свою чепуху, мевать, благодушно гадать на клавишю сновъ покойниковъ, но что дѣлается за нулисами жизни — этого не видеть. Но видно тѣмъ, что страшно, а только одна статистика протестуетъ: столько-то сошло съ ума, столько-то падеръ вымилъ, столько-то дѣтей погибло отъ недождана. «Ахъ, если бы была поладь!» — заключаетъ разсказчикъ и затѣмъ продолжаетъ: «ноа поладь, сильны, не устанавли дѣлаи добро. Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть нинъ, а если она нѣтъ смысла и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ наменъ счастья, а въ чепъ-то болѣе разумнои и величии... Дѣлайте добро!».

Вотъ это безмощная, подавляющая сила людей, поставившихъ своей цѣлью достиженіе утѣго личнаго счастья, неакого и ничтожнаго, въ родѣ обладанія кривовишкѣ, это дѣльное споконитѣе дожданныхъ и счастливыхъ смидѣтъ и цѣлого моря невѣжества, тоскавой банничности и молчаливой гибели а составаютъ, по мысли А. Чехова, главное зло нашей жизни.

Кривовишкѣ разсказчикъ «О любви» писателю тѣмъ ушоралъ насмѣхъ поладь, поладить а обивочныхъ усложностей, которая тѣмъ нѣмѣтъ нѣтъ и стоитъ постраданіи отъной

къ достижению возможнаго счастья. Человѣкъ поладилъ и любить измѣнно, но на дорогѣ возникаетъ цѣлый рядъ соображеній о томъ, что помочь онъ дѣтъ любимому существу, но будеть ли то новое, что предостѣтъ, постремешъ старое, а честно ли увести любимаго человека невѣжество куда. «Если бы я, по-привѣръ, боролся на освобожденіе родины, или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ», — говорить, ушмй, добрый и спатичный помѣщикъ Алексинъ, поладившій по-нужию женщину, — «а то тѣмъ пѣтъ одной обычной будничной обстановки пришло бы уладъ ее въ такую же или еще болѣе будничную». Это во-первыхъ, а во-вторыхъ — нунъ, дѣтъ а проч. Любимая по Алексинѣ женщина въ своемъ отерѣ полна поладить мыслей, и нѣтъ сальная, глубокая любовь нинно причется много дѣтъ, причиняя невыносимыя страданія. Часто Алексинъ задумывался, стараясь провиннута въ тайну поладь, красавой, ушмой женщиной, которая вымисляла нунъ за палато, поинтереснаго, поного-ти по-нужнаго человека и нѣтъ отъ него дѣтей, часто старался онъ поинтъ тайну этого добрика, который держится на вечерникахъ около солидныхъ людей съ безучастнымъ выраженіемъ, точно его приноси продавать, который не нара жѣтъ ни по возрасту, ни по нителленту и который, однако, тѣреть въ свое право быть счастливымъ, нѣтъ отъ немъ дѣтей. «Почему она пострѣдилась нинно ему, а не нѣтъ?» разсуждалъ Алексинъ, «а для чего это нунно, чтобы въ нашей жизни провинна такая ужасная ошибка?» Дѣло кончается тѣмъ, что любимая женщина уладеть въ другой городъ съ нунѣтъ, а на покладѣ народъ третннъ звонкомъ любви и прорывается наружу невыносимыя признанія и нѣдѣтъ потоковъ подиннъ слезъ. «Какъ мы были съ ней несчастны!» заключаетъ разсказчикъ. «Я по-нналъ, что когда любишь, то въ своемъ разсужденіи отъ этой любви нунно походить съ мысленно и болѣе важнаго, чѣтъ счастье или несчастье, гравъ или добродѣтель въ нѣтъ ходиченъ смысла, или не нунно разсуждать вовсе».

А слушатели сидѣли и думали о томъ, какое, должно быть, скорбное лицо было у поладь дѣны и затѣмъ этотъ человѣкъ съ ушмими добрыми глазами поинтъ какъ бѣдѣтъ въ колѣсѣ въ своемъ поустроенномъ нѣтъ, которое его ннчуть не заиннѣтъ, затѣмъ такъ губится жизнь и въ чему такая масса нунъ и цѣль?

И. Грушецкий.